

«Огуз-наме» и алтайский эпос: сравнительное изучение и использование в историческом исследовании

Автор: Н. Екеев (Россия)

Категория: Диалог культур и народов

<http://koketka.by/>

<http://kalendar-beremennosti.ru/>

Сравнительный анализ различных вариантов памятника древнеуйгурской (древнеогузской) письменности – легенды об Огуз-кагане (хане) с эпическими произведениями алтайцев показывает, что в них содержатся сходные сюжеты и персонажи с одинаковыми именами. Анализ указанных мифо-эпических явлений имеет важное значение для изучения проблем этногенеза и культурогенеза алтайцев и других тюркских народов. Обратимся к интересующим нас сюжетам легенды об Огуз-хане по летописям Рашид-ад-дина и Абуль-Гази [1, 10], с привлечением текстов, почерпнутых из работы А.М. Щербака [14].

Родословная линия тюрков в названной выше легенде ведется, согласно мусульманской традиции, с библейского Ноя и его сына Яфета (по-тюркски – Абулджа или Аланча-хан). Обе летописи сходятся в том, что от Яфета пошла линия его сына Тюрка (Диб-Ябкуя), далее следует сын Тюрка Кара-хан и сын последнего Огуз.

Легенда рассказывает, что между Кара-ханом («тенгрианцем») и его сыном Огузом (принявшим ислам?) на религиозной почве происходило длительное противостояние, завершившееся победой сына. Все люди, объединившиеся вокруг Огуза, стали называться «уйгурами» (что означало – соединившиеся, союзники). Легенда также гласит, что от людей, примкнувших к роду Огуза, происходят канглы, кыпчаки, калачи и агач-эри.

В древнеуйгурской рукописи «Огуз-наме» представлена мифологическая картина происхождения Огуза: он был зачат матерью Ай-каганом от лучей света, озаривших ее глаза. Мальчик рос быстро, вскоре заговорил, через 40 дней стал ходить и играть.

Сверхъестественное (небесное) происхождение, как утверждается, имела и первая жена Огуз-кагана, спустившаяся с небес с помощью солнечных лучей. Она родила тройню – трех старших сыновей, которых нарекли именами Кюн (Солнце), Ай (Луна) и Юлдуз (Звезда). Такое же божественное происхождение, согласно источнику, имела его вторая жена-красавица. Огуз впервые увидел её сидевшей на развилке дерева, находившегося посреди озера. Она также родила тройню – трех младших сыновей, которых нарекли именами Кёк (Небо), Таг (Гора) и Тенгиз (Море).

Кёк тенгри (божество синего Неба) ниспослало Огуз-кагану священные атрибуты – золотой лук (алтун яй) и три серебряные стрелы (кюмюш ок) – обладавшие чудесными свойствами. Это было предсказано в сновидении седовласому кудеснику Улуг Тюрюку.

В походах, в нелёгкие моменты жизни Огуз-кагану неизменно приходил на помощь сизый волк (кёк бёри), возникавший из яркого луча света.

После покорения грозных соседей-ханов Огуз-каган созвал курылтай и устроил большое пиршество (той). На правой стороне от каганской ставки (орду) водружается 40-саженное древо с фигурой золотой птицы (тулу – ворон?) на вершине и у основания привязывается белая овца (ак кой). А на левой – такое же древо с фигурой серебряной птицы, у его основания – черная овца (кара кой). Согласно древнему обычаю, на правой стороне размещались бозуки (сломанные стрелы) во главе со старшими сыновьями (Кюн, Ай, Юлдуз), а на левой – уч оки (три стрелы) –

младшие сыновья (Кёк, Таг, Тенгиз). В основу данного этикета был положен древний принцип старшинства. Каждое крыло получило свою тамгу, онгон (священную птицу) и право на соответствующие части сваренной туши животного на праздничной трапезе. У правого крыла народа тамгой стали золотой лук и щит (калкан), онгоном – птица гриф (таз). У левого крыла – тамга – три серебряные стрелы и онгон – сокол (сункур, шунгкар). Для обоих крыльев общими были уран (боевой клич) – «Кёк бёри» (сизый волк) и знамя с изображением солнца.

Интересно и то, что «Огуз-наме» (по версии Рашид ад-дина) [10] гласит, что сыновья Огуз-кагана имели от своих законных жен по четыре сына, которые стали основателями 24 ветвей рода легендарного Огуз-кагана. В летописи Абуль-Гази дополняется, что все сыновья Огуз-кагана имели от своих наложниц еще по четыре сына.

Не одно поколение исследователей пыталось ответить на вопрос: существовал ли исторический прототип Огуз-кагана? По мнению востоковеда Н.Я. Бичурина, им мог быть хуннский шаньюй Модэ, а другие ученые находили общие черты у Огуз-кагана и Чингисхана (И. Маркварт) или Джанибека из кыргызского эпоса (Г.Н. Потанин). Надо вспомнить, что, согласно китайским летописям, Модэ-шаньюй, как и Огуз-каган, пошел на убийство своего отца, затем (к 177 г. до н.э.) создал огромную империю, простиравшуюся на территории от Желтого моря до Каспийского моря и от Великой стены до Южной Сибири [4]. В связи с этим хочется поддержать точку зрения о том, что в древней легенде об Огуз-хане, как и в поздних вариантах «Огуз-наме», наслоились события, по крайней мере, начинавшиеся с хуннской эпохи, с переходом в древнетюркский период и до времен государства Сельджукидов (III в. до н.э. – XII в. н.э.) [10]. Последний временной рубеж примечателен тем, что в X-XI вв. огузские племена продвинулись от низовьев Сыр-Дарьи и Приаралья далеко на запад. Одна группа огузов во главе с султанами из рода Сельджуков заняла земли до Анатолии включительно, а другая группа, переправившись через Эмбу и Волгу, проникла в степи Причерноморья.

Обратимся к алтайскому эпосу. В героических сказаниях (кай чёрчёк) встречаются имена героев, одинаковые с персонажами древнеогузской легенды. Это Кюн-каан, Ай-каан, Тенгери-каан, Талай-каан (т.е. Тенгис-каан), а также Кара-каан. Указанные герои – кааны (каганы, ханы) фигурируют, например, в сказаниях «Алтаин Саин Салам», «Тектебей-Мерген», «Каан-Пююдей» и «Ай-каан», вошедших в известное собрание «Образцы народной литературы» под редакцией В. Радлова [7]. В этих эпических произведениях основная линия повествования строится вокруг сватовства главных героев к дочерям указанных каанов. Лишь в одноименном сказании Ай-каан сам предстает в качестве главного героя.

Естественно, возникают вопросы: насколько правомерно сравнение алтайского эпоса, записанного в середине XIX столетия, с древнеуйгурской легендой об Огуз-кагане, а также «Огуз-наме», зафиксированной в летописях XIV и XVII веков? На наш взгляд, на это можно дать ответ о полной правомерности такого сопоставления и вот почему. Прежде всего, они относятся к крупным жанрам устного народного творчества, нашедшим отражение в письменном виде. По общеизвестным оценкам специалистов, занимающихся фольклором и этнографией народов Средней Азии и Сибири, эпическая память этих народов, в силу особенностей их культурно-исторического развития, обладает уникальным свойством сохранять факты и события глубокой старины, разумеется, преломленными в соответствии с законами жанра.

Далее, в пользу сравнительно-сопоставительного анализа свидетельствует целый ряд схожих фактов и явлений, пронизывающих эти фольклорные произведения. К ним относится, во-первых, как уже было сказано, присутствие персонажей с одинаковыми именами и титулами. Во-вторых, в

интересующих нас произведениях заметное место занимают сюжеты, связанные со сватовством и женитьбой главных героев. Так, в «Огуз-наме» (по Рашид ад-дину) Кара-хан женит своего сына Огуза на своих племянницах – дочерях Коз-хана, Гур-хана и Ор-хана [10]. Но эта сцена не занимает в произведении сколько-нибудь значимое место. Однако во многих алтайских сказаниях сватовство и сопутствующие ему испытания героев становятся ведущей линией повествования. Третьей общей чертой является изобилие сцен чудодейственных действий и архаических обрядов. Так, в алтайском эпосе – это перевоплощения героя-богатыря в одних случаях – в бедного Тастаракая, в других – в животного; магические обряды оживления убитого героя, сражения с мифическими существами. А в легенде и «Огуз-наме», например, младенец Огуз сам себя нарекает именем, а повзрослев, убивает единорога (кыат). К четвертой общей черте древней легенды и алтайского эпоса относятся местности, где происходят описываемые события. Здесь фигурируют Алтайские горы и прилегающие горные массивы – Ортаг, Козтаг, Каракорум (Кангай).

Сцены разделения народа на правую и левую части (и в соответствующем порядке на пиршестве) отсутствуют в алтайском эпосе, но следы существования такого порядка сохранились в легендах о происхождении кыпчаков и некоторых других алтайских родов [2, 194-199].

Следует обратить внимание на образ волка, игравшего большую роль в повествовании о судьбах главных героев. В легенде волк появляется в критически тяжелое время, указывая путь, идя во главе войска Огуз-кагана. В большинстве алтайских эпических произведений подобную роль выполняет уже конь богатыря (хана). Необходимо отметить, что образ волка наделен двумя противоположными качествами: положительными и отрицательными. В первом случае ему присваивают, например, эпитет «белый волк с шестидесятисаженым хвостом» (алтон кулаги куйрукту ак бёрю). Он, обладая магической силой, оказывает помощь герою с детских лет до возраста возмужания, заменяя ему отца (иногда содействует ему даже в «нижнем мире»). В безвыходном положении, например при преследовании сильного и жестокого врага, герои превращаются в светло-желтых волков (ак-сары бёрю) и живут внутри горы. Но затем они вновь приобретают человеческий облик. А во втором случае, когда образ волка ассоциируется с врагом, его принято называть сивым волком (кёк бёрю) [12].

В заключение хотелось обратить внимание на образ седовласого старика – кудесника, которого именовали – Улуг Тюрюк. Он выполнял функции предсказателя судьбы державы Огуз-кагана, поскольку, как считалось, обладал волшебной силой общения с Кёк тенгри (всевышним божеством). Само его имя – Великий Тюрюк – носит необычный характер. В одном из алтайских диалектов есть созвучное слово «тюрюк», означающее плод – шишку могучего кедра (возрожденный народный праздник называется «Тюрюк байрам» – праздник кедра). В алтайском эпосе также присутствует образ седовласого старца.

Таким образом, приведенные выше данные позволяют высказать, хотя бы в предварительном порядке, некоторые выводы. Во-первых, отмеченные сходные черты в «Огуз-наме» (особенно в легенде об Огуз-кагане) и алтайском эпосе (включая мифы и легенды), свидетельствуют об их единых историко-культурных и древнетюркских генетических корнях. Они сложились на Алтае-Хангае (в обширном горном регионе, простирающемся от Иртыша до Орхона-Селенги) и сопредельных территориях Средней Азии, где происходил этногенез теле-огузских, кумыкско-кыпчакских и других древних тюркских племен. Эти племена, как известно, участвовали в формировании этнического ядра современных тюркоязычных народов (алтайцев, туркмен, уйгуров и т.д.). Во-вторых, в «Огуз-наме» (особенно в поздних ее вариантах) имеются сюжеты и

факты, отсутствующие в алтайском эпосе и наоборот. Различия наблюдаются в манере, стиле поведения и образах героев. Это – очевидное свидетельство того, что после окончания древнетюркского времени (IX-X вв.) по разному складывались пути этнополитического и этнокультурного развития предков алтайских и среднеазиатских тюрков. Рассмотренная древняя часть «Огуз-наме» (легенда об Огуз-кагане) оформилась, вероятно, не позднее X в. на территории Восточного Туркестана и Средней Азии [6]. В дальнейшем на неё оказали влияние культурно-языковые традиции монгольского и постмонгольского времен [14]. А процесс формирования алтайского эпоса, испытав сильное «ойротское» влияние, завершился в XV-XVII вв. [3, 11]. Поэтому эпическая традиция в алтайской культуре сохранялась вплоть до конца XX столетия. Исходя из сказанного, можно прийти к главному выводу. Фольклорное наследие, особенно его высшее проявление – эпос, является неисчерпаемым источником познания истории и культуры тюркоязычных и других народов. Несомненно, сравнительно-сопоставительное и комплексное историко-этнографическое, фольклорно-лингвистическое изучение эпоса и жанров исторического фольклора тюркоязычных народов придаст новый импульс постановке новых идей и концепций, их доскональному научному исследованию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абуль-Гази. Родословное древо тюрков / пер. Г. С. Саблукова // Известия общества. *
археологии, истории и этнографии КГУ. – Казань, 1906. – Т. 22. №6 (1914).
2. Алтай кеп куучындар [Алтайские легенды, предания] / Ямаева Е.Е., Шинжин И.Б. тургускан. Горно-Алтайск, 1994.
3. Баскаков Н.А. Алтайский фольклор и литература. Горно-Алтайск, 1948.
4. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л., 1950. Т. I.
5. Кляшторный С.Г. Степные империи Евразии / С.Г. Кляшторный, Д.Г. Савинов. СПб., 1994.
6. Короглы Х. Огузский героический эпос. М., 1976.
7. Наречие тюркских племен Южной Сибири и Джунгарской степи. I отделение. Образцы народной литературы / сост. В.Радлов. СПб., 1866.
8. Позднеев Д.М. Исторический очерк уйгуров (по китайским источникам). СПб., 1899.
9. Радлов В. К вопросу об уйгурах // Записки АН. – СПб., 1893. – Т. 72. – Кн. 1.
10. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. М.-Л., 1952. Т.1. Кн.1.
11. Суразаков С.С. Алтайский героический эпос. М., 1985.
12. Улагашев Н.У. Алып-Манаш. Алтай кай чёрчөктөр. Горно-Алтайск, 1985.
13. Фазлаллах Рашид ад-Дин. Огуз-наме / введ., пер., коммент. Р.М. Шуюровой. Баку, 1987
14. Щербак А.М. Огуз-наме. Мухаббат-наме. Памятники древнеуйгурской и староузбекской письменности. М., 1959.